

УВАЖАЕМОМУ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ БЕЛЯЕВУ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ

Все, кто работал рядом с М.И. Беляевым, могут сказать, что это был Человек с большой буквы. Он был равнодушен к любым жизненным вопросам, вопросам работы, науки. Светлая память о нём будет жить в сердцах тех, кому он отдал частичку своего сердца и жизни.

В моей профессиональной судьбе Михаил Иванович сыграл большую роль. Я работала под его руководством 10 лет. Благодарна ему за то, что учил работать с большой ответственностью за порученное дело, смотреть на несколько шагов вперёд. Несмотря на занятость Михаил Иванович, всё время интересовался корреспонденцией. Покорял его цепкий ум, высокая организованность, неиссякаемая энергия, порядочность и честность. С уважением относился Беляев М.И. к людям, ценил труд и профессора, и лаборанта.

Коллектив, созданный Михаилом Ивановичем, продолжает добрые традиции и по сей день, а его путеводная звезда будет всегда ярко гореть над его детищем – ныне ХГУПТ, и согревать нас своим теплом.

Н.А. Акопян, зав. канцелярией (*ХГУПТ, Харьков*)

ОДИН ДЕНЬ

Дождливое, холодное ноябрьское утро. Люди спешат укрыться от пронизывающего ветра в стенах института. Тишину коридоров нарушают торопливые шаги преподавателей и студентов. День обещает быть серым и скучным... Таким показалось бы начало рабочего дня постороннему человеку. И совсем не таким оно было для меня. Мой рабочий день, как и сейчас, начинался в 9-00 утра, и мне как секретарю ректора опаздывать не положено. Я старалась приходить раньше, чтобы подготовиться к рабочему дню и к приходу Михаила Ивановича. Но, открыв дверь в приемную, понимала, что рабочий процесс уже начался. Одетый в фуфайку и резиновые сапоги, после обхода стройки, Михаил Иванович горячо обсуждал с рабочими вопросы, касающиеся строительства нового корпуса. Это было время перемен; перемены происходили как в стране, так и в нашем институте. Он строился, ремонтировался, обновлялся и благоустраивался. Ни одна деталь не ускользала от внимания Михаила

Ивановича, ведь преподавателям работать, а студентам получать знания надо в комфортных условиях. На столе у меня уже лежал список дел на день. Я всегда удивлялась, как такое огромное количество вопросов можно решить за один день. Встречи, звонки, прием посетителей – всё это только малая часть списка. Была ещё одна очень важная составляющая его работы – это научная деятельность – то, ради чего он был избран ректором. Семинары, конференции, научные исследования – это далеко не полный перечень дел, которые выполнялись ежедневно.

После решения хозяйственных проблем приёмная наполнялась посетителями: работа шла по намеченному графику, но многие приходили и с незапланированными вопросами. На мой взгляд, некоторые вопросы не являлись настолько важными, чтобы решаться на уровне ректора, но, когда я говорила об этом, Михаил Иванович неизменно отвечал, что для него не бывает неважных и второстепенных дел. Рабочий день подходил к концу, а поток посетителей не уменьшался – это были преподаватели, аспиранты и рядовые сотрудники института. Михаил Иванович никого не оставлял без внимания. Да, это был человек дела – активный, стремительный, напористый. Скольким людям он дал путевку в жизнь, сколько дел воплотил, наполнив их своей кипучей энергией.

Я старалась не выбиваться из заданного темпа работы. Целый день обзванивала, соединяла, приглашала на встречу, выполняла поручения, но при этом всегда старалась найти возможность, чтобы оказать маленькие знаки внимания своему начальнику: приготовить чай или заварить кофе. Особенно он любил приготовленный мною кофе с пенкой и всегда это подчеркивал.

Институт опустел, трудовой день подошел к концу, но ещё горит окно в кабинете ректора: там зарождаются новые идеи и замыслы, там видят будущее вуза, там строятся грандиозные планы...

С.И. Шевченко, секретарь ректора (*ХГУИП, Харьков*)

У БОГА ВСЕ ЖИВЫ

Жизненно-опытное слово Михаила Ивановича Беляева с его «научного аэродрома» до сих пор трогает и поучает. Он собирал на своде своего ума многие поразительные находки. Полет его научных идей был одновременно и широкоохватен, и «вписывался в прикладную конкретику». Со временем глубина их проявляется все очевиднее. Крылья его научной мысли не замерли в далекой